

● Наша антология с Евгением ЕВТУШЕНКО

Начиная с Надсона, в русской поэзии были «цветы безвременья». Сегодняшние молодые поэты — это «цветы смутного времени». В своем грациозном эссе «Чертова дюжина» («ЛГ» 25.12.96) Павел Басинский не без горького остроумия заметил: «Юркие сегодня не те, кто лезет в литературу, а те, кто вовремя сообразил ее оставить».

Если кто-нибудь найдет, что в подзаголовке «Цветы смутного времени» есть нечто небрежно снисходительное, то такая мысль — от лукавого. Быть цветами времени садоводческого — нетрудно. Быть цветами смутного времени, вырубаящего сады поэзии и удушающего их бурьяном и чертополохом — трагедийный безнаградный героизм.

Евгений Рейн, который сам прошел испытание непечатаемостью и парадоксально стал печатаемым, когда за стихи почти перестали платить, с присущей ему импульсивной щедростью познакомил меня со стихами молодых поэтов, которые учатся у него в Литинституте или просто приносят ему свои стихи за неимением возможности показать их своему коллективному кумиру — Бродскому. Я представляю на ваш суд, дорогие читатели «Вечерки», сегодняшних молодых поэтов, которые ходят рядом с вами по московским улочкам, неукротимо бормоча свои стихи. Вот один из них — Алексей Тиматков — москвич, родился в 1974 году. Закончив школу в год августовского путча, поступил в Литинститут на заочное. Попал в семинар В. Фирсова, когда-то собиравшего подписи студентов под письмом, призывавшим выкинуть Пастернака из Советского Союза. Любопытные попадают преподаватели в Литинституте. Потом Алексей перешел на заочное к другому учителю — Е. Рейну. Работает в Литинституте завхозом и дворником. Он — один из создателей самиздатского журнала «Алконост», существующего уже шесть лет. Тиматкова, в отличие от многих его сверстников, в подражательстве Бродскому не упрекаешь. У него есть не только ядовитый сарказм, но и теплая человеческая улыбка. Как обаятельно сказано: «У меня заработал автоответчик. Кто говорит? Человек». Он не свободен от спровоцированного поэтом

предыдущего поколения Александром Еременко пересмешичества классиков: «Скажи-ка, Муза, ведь недаром когда-нибудь я стану старым...». Но это не переходит в издевательство. Он может быть и грустным, «словно должен кому-то, но нет ничего, чем бы ты мог еще расплатиться». Но умеет и повеселиться: «Эх, написать бы строчечку, да залепить бы точечку!». Полноценный человек, разнообразный. Несколько не хватает тяжести — ведь легкость и тяжесть в поэзии могут прекрасно сочетаться, не превращаясь в тяжеловесность. Однако означает ли это, что сегодняшняя молодая поэзия обречена на имитацию, на бесплодность? Не будем опрометчивы в наших прогнозах. А вот у Григория Петухова тяжеловесности и «бродскости», в отличие от Тиматкова, в избытке. Но и талант есть — правда, пока еще более проявляющийся в имитации маэстро, чем в раскрытии самого себя. Зато в ранней изысканности Петухову не откажешь.

«Если, скажем, хочешь понять о нише, о месте поэта в цивилизации, вначале следует опуститься ниже уровня городской канализации. Начинать под спудом, глодать скрижали, достанет гордыни — попробовать вкус баланды. Быть эмигрантом в родной державе, нагрузиться пространством по самые гланды». Это написано густо, резко, без пустот. Такому-то человеку и учиться в Литинституте. Ан нет — приехавший с Урала Петухов только изредка ночует в общежитии Литинститута, да и то нелегально — у него нет аттестата зрелости, и дорога в вузы для него пока закрыта. Не пора ли Литинституту пересмотреть правила приема? Меня, например, без аттестата зрелости приняли в тот же Литинститут еще в сталинское время — в 1952 году. Правда, и исключили в 1957-м, но это уже другой разговор... Петухов, на мой взгляд, уже достаточно усвоил уроки своего маэстро. Пора ему эмигрировать с территории Бродского. Поэты поколения Петухова должны найти собственные слова, да они у них и есть — только надо до них докопаться.

Ев. Евтушенко

Пер. Машка. - 1997. - Зима. - с. 6